АВТОРИТЕТНОЕ МНЕНИЕ

В Москве на улице Чаплыгина [illegible] под руководством Олега Табакова.

Чтобы не было стыдно...

А мне почему-то кажется: для пятнадцати молодых актеров, несмотря на серьезность приданного коллективу статуса театра, продолжается, как и в прежние годы, счастливая пора ученичества, только они перешли в другой «класс» — профессиональной, серьезной работы. Счастливая потому, что рядом любимый учитель, который когда-то научил их азам выбранной на всю жизнь профессии.

— Олег Павлович, будучи преподавателем ГИТИСа, вы проводили довольно жесткую политику по отношению к своим студентам. Три года назад, например, уже весной отчислили почти всех студентов. Спустя год картина повторилась. Критерии отбора?

— Талант, прежде всего! В нашем актерском деле без таланта невозможно. Никак! И коль я не уверен, что в будущем мой студент сможет своим ремеслом заработать себе на кусок хлеба (первая-то актерская зарплата составляет всего сто рублей), подписывать ему дипломы просто не имею права... «Жесткая» политика? Гуманная, как мне кажется, человеколюбивая.

— Приговор окончательный и обжалованию не подлежит?

— Способность к полезным усилиям — чрезвычайно важное для будущего актера качество. Человек, увлекший во имя работы отказаться от многих соблазнов, искушений, сосредоточиться на главном, первостепенном, готовый выдержать самые непомерные нагрузки, обязанный постоянно находиться в отличной форме, могущий сопротивляться возможным неудачам — вот что такое актер. Так получилось, что я всегда занимался любимым, желанным делом. Для меня лично репетировать, выходить на сцену, играть — самое интересное, самое увлекательное, самое веселое на свете занятие.

— Ну, хорошо, талант. Любовь и даже страсть к театру. И соответствие тем жесточайшим требованиям, которые предъявляете вы к совсем еще юному человеку. Но если посмотреть на вашего абитуриента, как студента, или уже актера чисто по-человечески: что для вас главное в нем?

— Интеллигентность. Не сумма знаний, не цифровое выражение оценок по общественно-политическим и специальным дисциплинам. С корневой системы для меня начинается интеллигентность — с любви к земле, где родился, с осознания себя необходимой частью этой земли, с невозможностью жить без нее, желания делать возможные усилия, чтоб менять жизнь к лучшему. Ведь столько вокруг нас несовершенного, стольким людям живется труднее, чем нам! А мы... «Запланированная» забота во время посещения подшефного детского дома, «мероприятие» по оказанию помощи престарелому человеку. Не хватает участия, живого человеческого участия в живой человеческой судьбе.

В Оксфордском энциклопедическом словаре в статье «Интеллигент», есть подпункт «русский интеллигент», то есть человек, неравнодушный к чужой боли, к чужому страданию, способный сопереживать, сострадать. Как далеки еще современные «интеллигенты» от академического образца прошлого!

— А что вы не способны простить?

— Предательство. Подлость. Вранье. Много повидал, пережил. Уже не боюсь многого. Боюсь суда детей своих. Суда учеников. Если они станутся меня станут — как же тогда я?! Хамства не прощаю. Терпимость нужна друг к другу. Надо уметь видеть себя в других людях.

— Если прокрутить «ленту» собственной жизни, у каждого из нас был в жизни человек, оставивший в нашем сознании, душе след не только словом или поступком, но и самою личностью своей, внутренним миром, духовным опытом. И у вас, наверное, было так?

— Был дядя, скромный рентгеновский техник. Он дал мне основные, начальные понятия о нравственности — не было высоких слов, были простые, но реальные, каждодневные поступки: всякий раз, например, когда мы ехали в трамвае, дядя уступал женщинам место. Всегда! Не только хорошенькым и молоденьким... Потом познакомился в жизни руководительница драмкружка в саратовском Дворце пионеров Наталья Иосифовна Сухостав — с нею вошел, ворвался в душу театр, оттеснил все увлечения, все удовольствия...

Наконец, Олег Николаевич Ефремов. В первые годы существования «Современника» про нас говорили: ходят по сцене пятнадцать Ефремовых. Отношение к учителю материализовалось даже в наших актерских «приспособлениях». Сопрягается ли любовь к учителю с подражанием? Несомненно. Если дар есть — подражание сойдет: собственная сущность все равно проклюнется. Когда объект подражания хорош, привычку получишь, заряд, оберегающий от пошлости, тривиальности, прочих бед. В нашем отношении к Ефремову было даже что-то от тринадцати-четырнадцатилетних мальчишек — это своего рода потребность в старшем брате, в человеке, близком по устремлениям, но более сильном, мужественном, в человеке, который все может. И мы открыто подражали ему, не боясь, что нас в подражательстве упрекнут. Испытывали особую приязанность, зная, что она никогда не будет использована во зло. Без такой привязанности, без влюбленности — ох как тоскливо, одиноко молодому человеку... Жизнь развела нас потом с Ефремовым. Но не будь его в моей судьбе, не занимался бы я со своими учениками: неудовлетворенность собой, результатами своего труда, впоследствии желание полемизировать с учителем — не словесно, практически, в работе — тоже дар признательности духовному наставнику. Отсюда тянется ниточка, связывая меня с моими учениками.

— Кто-то из великих заметил, что опыт предыдущего поколения никогда и ничему еще не научил последующее. Не стоит, может быть, буквально воспринимать эти слова, но элемент правды в них содержится. Не думаю, чтобы в вашем представлении не существовала проблема поколений. И в вашей практике.

— Я в детстве рос конформистом. Был единственным мальчиком в семье. Отец ушел на фронт в 1942 году, мне не было еще шести лет — в семье остались бабушка, мама, сестра, — и я так хорошо ориентировался в том, чего делать нельзя вообще никогда в жизни, а что можно, только когда другие не видят, а что позволительно, если никто не услышит, если утаить дерзкие мысли и сомнения. Короче говоря, соглашателем до мозга костей был... Да и товарищи мои в свое время были не лучше, чем нынешние молодежь, которую упрекают чуть не во всех смертных грехах... Пелену с наших глаз снимало время.

Мы были поколением надежд, вступившим в жизнь в пору замечательного обновления, которое принес двадцатый съезд партии. Перед нами был высокий одушевляющий идеал, высокая нравственная задача — мы создавали «Современник», строили свой Дом, и каждый кирпичик личного успеха ложился в коллективное здание будущего Дома, будущего театра. Мы утверждали право говорить своим сценическим языком о проблемах, волновавших нас истинно, о несовершенствах жизни, которые видели. Пусть мало, пусть даже как-то наивно, но менялась жизнь к лучшему. Старались менять. А главное ощущение того времени — мы жили спинами вокруг! Я знал рядом, всегда рядом Галя Волчек, Лиля Толмачева, Олег Ефремов, Игорь Кваша... Совершенно удивительное чувство! Братство, выше которого в жизни ничего не бывает и взамен которого пока ничего не придумано.

А проблема поколений, о которой вы говорите? Есть, конечно, столкнать других локтями и возопить о собственном таланте. Бывает такое. Чувство ревности, товарищества — в большом пока дефиците. Или во что бы то ни стало кому-то понравиться, от кого зависит или может зависеть дальнейшая актерская судьба... Как-то незаметно вползло это в нашу актерскую жизнь и стало затаптывать руководящую идею, во имя которой существует театр.

Как хочется на акселеративные ростки и побеги современного поколения прививать понятия, которыми жили мы. Взрастить настоящую заинтересованность друг в друге — не в количестве комплиментов, на которые мы так щедры, особенно в дни праздников и премьер, — в откровенном, честном товарищеском мнении.

Не хочу брать на себя роль некоей фигуры истины в последней инстанции: сам многого не знаю. Но что знаю, то твердо и не заемно, не из книг — из собственного опыта. Вот это юношеское чувство команды — неразменно! Оно дает способность в трудную минуту не сломиться, способность выстоять и идти до конца.

Хотя менее всего склонен предъявлять счет новому поколению. Наши дети просто такие, каких мы, очевидно, заслужили. Значит, лучшими быть — не научили.

— Перекормили, может быть, напичкали тем, что нам самим в юности недоставало, чего недобрали наши матери, отцы?

— Я вижу корень зла в другом. Разрыв слова и дела — нет лучшей питательной среды для равнодушия, опустошенности, цинизма. И суетные вопросы, желания: как себя поставить? какие льготы предоставят? на каких условиях буду работать? — выплывают опять-таки, если нет высокой, одушевляющей идеи.

Не снимаю с них ответственности. Но Лев Николаевич Толстой, мне кажется, был глубочайше прав, когда на вопрос, как воспитывать, ответил: очень просто... Хотите воспитать кого-то, воспитайте себя. Другого пути, видимо, нет.

— Какое вы себе отводите место в победах и поражениях своих учеников, Олег Павлович?

— Самое прямое. Вспоминать об учениках не только, когда они становятся звездами или восходят на небосклон! Когда с небосклона соскальзывают, а то и вовсе не могут туда взобраться. А успех ученика, жизненный, творческий, он много слаще твоего собственного — ни с чем не сравнимый «кайф», как любит говорить моя двадцатилетняя дочь.

— Какие-то черты детства, юности вы сохранили в себе?

— Азарт, пожалуй. Ничего не делаю вполсилы.

Любопытство к людям. Люблю пойти на рынок, в баню, когда бываю где-нибудь в другом городе: люди тут не смоделированы, не регламентированы, как, скажем, в учреждении, не заорганизованы — какие есть. Сколько в моем внутреннем «запаснике» разных «оттисков», «отпечатков», «картинок» — они очень нужны в работе.

В детстве меня водили на могилу бабушки, и я испытал там, может, две-три секунды таких удивительных! Это — «любовь к родному пепелищу, любовь к отеческим гробам» — на всю жизнь! Надеюсь, что и дети мои испытывают те же чувства.

Много читаю. Успеваю никак не меньше своих учеников. Вспоминаю свое военное детство в Саратове: бегу к почтовому ящику — «Ура! Газета!» По дороге, перепрыгивая через ступеньки, вливаюсь в газетные строчки. Что-то похожее испытываю сейчас, раскрывая газеты: много остро волнующего! Борьба за души людей! Очищение от какой-то скверны... Жаль, что мои ученики к газетам относятся много спокойнее.

— Знаю, Олег Павлович, в тридцать лет у вас был инфаркт. Сейчас вам за пятьдесят, а работаете... Не просто с утра до ночи — для студийных спектаклей и ночи прихватываете. Вы актер МХАТ, много снимаетесь в кино, на телевидении, ваш голос слышен по радио. Ректор школы-студии МХАТ, а с недавней поры — директор и главный режиссер театра-студии. Нагрузок-то!!!

— Что было, то было — остался жив... Зачем столько работаю?! Ну для чего-то мы ведь рождаемся — для лучшего, как сказал Горький. А для меня это «лучшее» — выходить на сцену и, глядя людям в глаза, рассказывать им о болях и радостях своего поколения. Работаю, не страшась возможной неудачи. Зритель рассудит.

— Что для вас театр, если в двух словах?

— То, без чего я не имел бы смысла как человек.

Беседовала
Инна Санина.